

СВАДЬБА

В совхозном клубе только что кончилась лекция. Оживлённо переговариваясь, люди группами шли по освещённой улице. Лектор Сергей Чернов вышел из клуба последним.

На посёлок «Коммунар» — центральную усадьбу Степнянского зерносовхоза, спускался вечер. Лёгкий ветер осторожно колыхал тонкие ветки молодых тополей, стройных и нарядных. Образуя широкую аллею вдоль центральной улицы, они двумя рядами спускались к запруженной степной речушке Весёлой и, круто повернув, тянулись вдоль её берега. Вправо от посёлка темнел старый запущенный сад. Белые новые постройки особенно чётко выделялись на фоне зелени деревьев. Ярко освещены окна жилых домов.

Сергей не спеша шёл берегом реки и с наслаждением вдыхал её прохладу.

Он с жадностью ловил тонкие запахи трав и сада, шелест камыша и осторожное побрякивание лягушек, плач совы и звонкий ночной концерт сверчков; любовался и посёлком, выросшим в этой степи, и широкой аллеей у реки, хозяйски посыпанной жёлтым песком, и светящимися окнами многочисленных построек.

Хорошо!..

Сергей присел на скамейку под деревом и засмотрелся на запруженную реку, где время от времени всплывала рыба. Он поднял камешек, размахнулся и бросил — вода заволновалась, замутилась и поплыли на её поверхности кольца, набегающая одно на другое, ширясь, расплываясь и постепенно теряя свои контуры. Он улыбнулся, вспомнив, как мальчуганом вот так же бросал камешки в эту самую речку, соревнуясь с товарищами, кто дальше кинет. Далеко позади остались эти детские годы, но у Сергея было такое ощущение, будто совсем ещё недавно приходил он сюда из станицы, что лежит вон за теми степными курганами, чьи очертания смутно вырисовываются на ночном горизонте.

Когда он в последний раз уезжал отсюда, была здесь одна лишь животноводческая ферма с двумя корпусами коровников и прифермской полуразвалившейся хатой. А теперь вырос в степи большой посёлок со своей электростанцией, кинотеатром, баней, библиотекой. Как бежит время...

Мысли его прервал дробный стук колёс по мостовой, а через минуту тревожно закричал отставший жеребёнок. Ему ответило призывное ржание кобылицы уже по ту сторону реки и вслед за этим по доскам моста мелко, мелко застучали копыта вихрем пронесшегося жеребёнка.

Сергей поднялся и тихо направился к посёлку.

На квартире, где он остановился, встретила его хозяйка — добродушная женщина лет под пятьдесят. Жила она с дочкой, которая целые дни пропадала на ферме. Сама же кума Катерина работала почтальоном, поэтому в силу своей профессии и некоторых природных склонностей, являлась средоточием всех новостей.

Дирекция совхоза иногда направляла к ней «постояльцев» — командированных, Катерина очень гордилась этим и при всяком удобном случае тонко давала почувствовать своим собеседникам, что она не то, что другие, а пользуется особым доверием у руководства совхоза.

С аппетитом ужиная варениками со сметаной, Сергей не без любопытства наблюдал за хозяйкой. Она явно куда-то спешила. Об этом говорил её праздничный наряд, и то

особенно суетливо-приподнятое настроение, которое в подобных случаях так свойственно женщинам.

Любопытство одержало верх и Сергей осторожно спросил, куда это она так торопится.

— Как куда? — удивилась Катерина. — Свадьба же нынче у нас, директор наш женится.

— Вот оно что! — весело отозвался Сергей. А хороший человек ваш директор?

— Наш-то Павел Степанович? — переспросила хозяйка. — Да это такой человек, такой человек, какого нигде не сыщешь! Что умница тебе, что хозяин, а самое главное любит справедливость и не гордится перед простыми трудовыми людьми. Недаром же он отыскал себе такую голубушку.

— Так, значит, и невеста хороша? — полюбопытствовал Сергей.

— Уж так хороша, что во всём свете нет краше! Красивая, умная и не из каких-нибудь, а врач. И зовут, как меня, Катериной, — чуть застыдившись, кончила хозяйка.

У Сергея тревожно дрогнуло сердце. Он подумал, что и его Катя уже окончила институт, а он даже не знает, где она сейчас.

— Врач? — переспросил он хозяйку.

— Не только сама врач, а начальник над всеми врачами, начальник всего района. Вот как!

«Верно заведующая райздравотделом» — подумал Сергей и вспомнил тихую, застенчивую свою Катю.

А Катерина ближе подошла к нему и доверительно журчала:

— Нежная, скромная девушка, а там, где надо, умеет быть строгой. Даже наш Павел Степанович робел перед нею. Как-то приехала она к нам прошлой осенью проверить состояние медицинского пункта. А он-то, наш медпункт, находился в старом помещении, сказать по-правде, не совсем подходящем для больных. Был тут и Павел Степанович. Осмотрела она молча этот самый медпункт, да так спокойненько и спрашивает его, Павла-то Степановича: «А где помещается ваша квартира, товарищ директор?» «Вон там, рядом с конторой» — указывает он и как-то неловко смотрит на Катю. А она подошла близко-близко к нему, глядит в глаза и сердито, даже с обидой, говорит: «Я слышала, что вы недавно вернулись из армии. Когда же вы успели зачерстветь? Это же помещение медпункта под курник не годится!»

— Я там была и всё своими ушами слышала — пояснила хозяйка. — Вот тогда-то и полюбил Катюшу наш Павел Степанович. И под медицинский пункт лучшее помещение отвёл, и новое оборудование купил. Бывало, говорит мне: «Я, Катерина Онуфриевна, с тех пор, как увидел эту девушку, не имею душевного покоя. Видно это моя судьба — не могу я покорить гордое её сердце».

Сергей усмехнулся, подумав, что вряд ли директор станет изливать свои сердечные муки перед кумой Катериной и с улыбкой спросил, как же всё-таки удалось директору покорить «гордое её сердце».

— Уж видно такая их судьба, — со вздохом ответила хозяйка. — Да и как не полюбить такого сокола?!

Задумалась что-то Катерина, потом, тряхнула головой и пригласила Сергея на свадьбу от имени жениха и невесты.

— Я же там свой человек, голубь. Пойдём-ка со мной, чего ты будешь один дома сидеть? А там своими глазами увидишь, какие они жених да невеста.

— Что-ж, — ответил Сергей. — Вот пройдусь немножко и обязательно загляну.

* * *

Еле заметными, но с детства знакомыми дорожками, пробирался Сергей всё дальше и дальше в глубь сада. Было радостно и почему-то тревожно. Вот старый дуб, а возле него тогда была криница с такой студёной и вкусной водой, какой ему больше нигде не встречалось. Теперь от криницы осталось лишь небольшое углубление с лужицей

мутной, зелёной от водорослей воды, куда от звука шагов Сергея шлёпнулось не меньше десятка лягушек. Вот просека и, если пойти по ней, обогнуть заросли колючего кустарника, будут тополя. С ними у Сергея связано множество детских воспоминаний.

Так вышел он на окраину сада и остановился под старой дуплистой яблоней. Только что поднявшаяся луна обливала белым светом её старые, скрюченные временем ветки. Под яблоней пышным ковром росла трава, а поодаль теснился кудрявый кустарник, словно из уважения к преклонному возрасту дерева, не смея подступиться ближе.

Сергей узнавал и не узнавал знакомые места. Как будто за эти годы ничего здесь и не изменилось, но он впервые по-настоящему почувствовал всю красоту этого родного уголка, красоту, которой раньше не замечал,— уж очень привычно и повседневно было тогда всё это.

Они с Катей когда-то любили встречаться именно здесь. «Нашли место свиданий — почти в двух километрах от станицы!» — подумал Сергей, улыбаясь, но от этих мыслей у него ещё теплее и радостнее стало на душе. Сколько раз с замирающим сердцем подходил он к этому месту, сколько ссор и примирений было под этой яблоней... Какие смелые планы обсуждали они здесь. Сюда он приходил готовить экзамены, здесь же он расставался с Катей, уходя на фронт.

Сергей закрыл глаза и с удивительной остротой почувствовал боль первой разлуки. «Фу ты! Совсем на минорный лад настроился» — произнёс он вслух, стараясь отогнать от себя воспоминания. Но на этот раз испытанное средство не помогло. Прошлое не ушло. Сергей присел на землю, прислонился к жёсткому стволу яблони и закрыл глаза.

...Впервые после ранения к нему возвращается сознание. Медленно соображая, он догадывается, что лежит в полевом госпитале. Рядом слышен заглушённый стон, но Сергею не хочется поворачивать голову, он и так знает, что соседу делают перевязку. Раненые лежат тесно, и сестра с трудом пробирается между рядами. Сергею хочется вновь закрыть глаза, но над ним кто-то склоняется, он внимательно всматривается и узнаёт Катю. Он не удивляется, принимает это как должное и близость Кати наполняет всё его существо тёплой радостью.

...После выздоровления Сергей и Катя до конца войны не теряли друг друга, хотя виделись очень редко. И эти короткие встречи оставили самые радостные воспоминания о самом счастливом в жизни Сергея. Они с Катей, как тогда, в действие, строили планы совместной жизни после войны. Как они любили друг друга... Каждый раз при расставании Сергея провожал молчаливый взгляд девушки: в нём было столько боязни за его жизнь, столько готовности пожертвовать собой ради его безопасности, что в суровой мужской душе Сергея просыпались самые затаённые уголки нежности и он только и мог, что крепче сжать тёплые руки девушки.

...Первые дни после победы опьянили Сергея — он жив, он здоров, а впереди — целая жизнь! Сергей ещё оставался в армии, а Катя уехала домой. Она писала, что зачислена на третий курс медицинского института, что здание института разрушено, что аудитории и кабинеты разбросаны по всему городу. Но все её письма дышали такой радостью, что Сергей без слов понимал: её вовсе не пугают и не беспокоят эти неудобства.

Демобилизовался Сергей перед самым началом учебного года, поспешил в Москву, так и не повидавшись с Катей.

«Почему ты не сообщил, когда будешь ехать — ведь поезд стоял на нашей станции целых двадцать минут!» — писала ему Катя.

«Действительно, как я не догадался дать ей телеграмму?» — подумал Сергей.

«Ты же знаешь, какой я несообразительный. Но все летние каникулы мы непременно проведём вместе», — ответил он Кате.

В Москве он сразу же закружился в водовороте кипучей послевоенной жизни. Стараясь наверстать упущенное за годы войны, жадно набрасывался на всё. Сутки для него оказались непростительно короткими. Он даже забывал во-время отвечать на письма.

Иногда, особенно в редкие свободные дни он чувствовал угрызение совести. «Уеду к ней на Октябрьские праздники. День дороги туда, день назад, а целые сутки будем вместе», — решил Сергей. Но накануне праздника нагрянули к нему друзья, потащили на студенческую вечеринку. Сергей остался в Москве.

«Ты изменился, стал невнимателен», — упрекала его Катя, а Сергей не понимал её тревоги. Захваченный новыми впечатлениями, он старался оправдаться сам перед собой: «ничего я не изменился. Просто занят. Очень занят. Не в письмах дело».

Сам не заметил, как образ Кати начал тускнеть, разлука с нею утратила свою остроту. Потом этот нелепый случай с приездом её в Москву. Почему он тогда не кинулся ей вдогонку, не перевернул целый свет, чтобы найти, вернуть её, взглянуть ей в глаза? Может быть этого было бы достаточно, чтобы она простила. Неужели он действительно тогда разлюбил её? Нет! Сергей твёрдо знал, что чувство его к Кате никогда не умирало, оно лишь отступило на второй план перед другими жизненными впечатлениями. Как река не останавливает своего течения под коркой льда, так и оно продолжало жить в сердце. Стоило только очутиться в этих памятных местах, под этой старой яблоней, как растаял ледяной покров, прорвалось оно наружу и душно, нестерпимо тяжело стало Сергею от сознания какой-то большой своей вины.

Сергей вскочил: он найдёт Катю! Где бы она ни была. Катя простит его, больше они никогда не расстанутся.

Подходя к посёлку, Сергей ещё издали услышал весёлые переборы баяна, песни и оживлённые голоса. Перед крыльцом чьей-то ярко освещённой квартиры танцевала молодёжь. Баянист так и порывался сам пройти по кругу. Мальчишки шмыгали между взрослыми.

— Свадьба,— вспомнил Сергей, — надо бы всё-таки заглянуть. Обещал.

Стараясь быть незамеченным, он поднялся на крыльцо, остановился перед открытой дверью, заглянул в неё и замер ничего не соображая: за празднично убранном столом сидела его Катя.

Её он узнал бы и среди тысяч других,— по этим чёрным блестящим волосам, как-то по-особому, по-катиному, гладко зачёсанным назад, по этому спокойному взгляду карих глаз, по тому выражению ясности в лице, которое всегда так волновало Сергея. А как к ней идёт это белое платье. Его Катя стала во сто крат прекраснее прежнего.

Чувство горделивой радости горячей волной заполнило Сергея.

В комнату вошёл высокий крепкий старик и остановился у » стола против Кати.

— Поздравляю молодых! — сказал он громко и протянул через стол руку.

«Молодых» — неприятно поразило Сергея. И вдруг до сознания его дошло: Катя, выходит замуж, смуглый мужчина, сидящий рядом с нею — её жених, высокий старик — дедушка Кати.

«Какая нелепость!— стучало в голове Сергея.— Не может же Катя выйти замуж за другого. Она любит меня. Какое глупое недоразумение — надо сейчас же подойти, окликнуть её».

Катин дедушка поднял стакан с вином. Старик посмотрел его на свет. Потом тихо сказал:

— За ваше счастье, за ваше здоровье... Пусть ваша жизнь так же светится и пенится, как это вино!

— За молодых!

Катя и тот, смуглый, встали.

— Горько!!!

Лицо Кати было радостно и светло.

У Сергея перехватило дыхание. «Как ты смеешь касаться этой девушки!» Он шагнул в комнату, но в это время Катя взглянула на мужа — как хорошо Сергей знал этот взгляд!..

Не замечая дороги, спотыкаясь, шёл он степью, а катин взгляд гнался за ним по пятам, настигал, жёг и мутил сознание.

Он несколько раз порывался вернуться в посёлок, что-то сделать, помешать чему-то огромно-несправедливому, может быть, вбежать в эту свадебную комнату и выкрикнуть всем, чтобы все знали... О чём знали?

«Я же люблю её, люблю её. Неужели вы этого не понимаете?»

И вдруг с удивительной ясностью в памяти его ожили подробности вечера, воспоминание о котором он так старательно гнал от себя.

...Сергей возвращался из театра вместе с Люсей. Медленно поднимаясь по лестнице, Сергей старался понять, что же всё-таки тянет его к этой красивой вертушке. Ведь если нет её перед глазами, то и не вспомнишь о её существовании. Но стоит лишь ей появиться — и сразу же Сергей теряет всякую власть над собой. Вот, накануне вечером, он вовсе и не думал идти в театр. Люся влетела в его комнату и сразу же набросилась:

— Я так и знала — лежит и читает! Ты мою записку получил? Ну, ясно, получил, прочитал и тут же забыл.

Она схватила со стола разорванный конверт, вынула письмо, поднесла его к глазам Сергея и раздельно, по-слогам, прочитала:

«Достала билеты в театр. Жду тебя. Люся».

Потом бросила письмо на стол и заторопила Сергея.

...Дверь открыла хозяйка.

— Ещё не спите? — удивился Сергей.

— Приходила к вам какая-то девушка, — сказала хозяйка.

— Какая ещё девушка?

— А уж это не знаю какая, только не из тех, что бывают у вас...

— Скажите, какая она? С чемоданом? — с тревогой спросил Сергей.

— Чемоданов никаких не было, а собой такая приятненькая.

— И ничего вам не сказала?

— Ничего не сказала, только там что-то писала, — указала хозяйка на его комнату.

Сергей подбежал к столу. Так и есть — приехала Катя! Вот на люсином письме, рядом с её крупными неровными строками, чёткий катин почерк:

«Мне дали направление в другой район. Желаю счастья и здоровья. Катя».

И больше ни одного слова, даже ни слова упрёка. Сергей устало сел на кровать. Как он забыл, что сегодня должна она приехать?! Ведь вот же в кармане её письмо, где она сообщает, что перед практикой заедет к нему, просит встретиться её на вокзале.

Сергей поднял голову. Хозяйка всё ещё стояла у дверей и вопросительно смотрела на него.

— Давно она ушла?

— Давно.

— А куда?

— Не сказала, только заплакала... а, может быть, мне это просто показалось.

Первым желанием Сергея было бежать, найти Катю, рассказать ей всё. Но где же её искать? Ведь сейчас полночь. И чем объяснить ей свою непростительную забывчивость? И как быть с театром и письмом Люси? И как вообще быть с появлением в его жизни этих Люсь? Сергей всё же поехал на вокзал, но Катю не нашёл. До самого утра бесцельно бродил по городу.

Сколько потом не писал Кате, ответа от неё не получил...

...Бродя в темноте по незнакомой дороге, Сергей отчётливо понял: произошло в жизни непоправимое. Не сберёг, не удержал счастья. И виноват в этом только он.

По сторонам дороги высокой стеной стояли деревья. Стройные дубки и клёны чередовались с колючей акацией и низким кустарником. «Куда же я зашёл?» — подумал

Сергей, но тут же понял, что это не важно, что это для него безразлично. И он шёл дальше, машинально сжимая ручку чемодана и не замечая его тяжести.

Луна перекатилась на другую сторону неба и подёрнулась лёгкой рябью белых клочковатых облаков. Она освещала дорогу в две колеи, между которыми росла густая трава и цвёл полевой горошек. Нежные белые колокольчики повители задумчиво свешивались с придорожных кустов.

Дорога повернула влево и пошла под уклон к мосту. Сергей понял, что перед ним родная станица. Но как всё здесь изменилась! Он оглянулся на лесополосу — вместо низкорослого кустарника и чахлых деревцев теперь стоял высокий и густой лес. А вот и пруд, где он когда-то давно, давно учился плавать. Пруд от летней жары начал пересыхать, обнажая пологий глинистый берег. На краю размытого дождями обрыва одиноко высится старая верба, с которой Сергей любил прыгать в воду. Дальше, в неверном предутреннем свете, белеют хаты станицы. Сонно и лениво лает собака. Вот закрикали вспугнутые утки и снова затихли.

Сергей опустился на траву.

* * *

Сколько прошло времени? Наверное не ночь, а целая мучительная вечность.

Быстро, по-летнему, рассветало. Проснулись птицы и запели, и зачирикали на разные голоса. Со стороны станицы потянуло запахом дыма. Замычали коровы и по дороге, вздымая белую пыль, прошло колхозное стадо. Протарахтела пустая подвода, а с поля донёсся глухой гул трактора. Из крайнего двора вышла женщина, вывела чёрного в белых пятнах телёнка и долго забивала в землю колышек, к которому потом привязала верёвку.

Из-за горизонта медленно выплыло на край неба солнце и залило всё своими ещё холодноватыми лучами. Короткий порыв ветра налетел на вербу, зашумел её листьями и, опустившись вниз, обдал Сергея мягкой утренней прохладой.

И хотя Сергею казалось, что жить теперь ни к чему, что всё у него позади — какие-то ещё очень неясные силы осторожно, но настойчиво тянули его к жизни, в которой он так многого не успел ещё познать.

Сергей встал и оглянулся — вокруг расстился мир. Такой знакомый и вместе с тем неизведанный, новый.

А, может быть, в эту ночь, изменился он сам, Сергей.